

Глава 17

Летний дождь под солнцем

***

Они устроили водяную битву

Гу Цянь плакал — и это было свершившимся фактом.

Цзи Лююнь застыл, словно его огрели пыльным мешком по голове. Пару секунд он стоял столбом, прежде чем к нему вернулась способность соображать.

— Гу... Гу Цянь? Что с тобой?

Тот лишь ниже склонил голову, не проронив ни слова, а слезы потекли еще отчаяннее.

Цзи Лююнь запаниковал, заметавшись точно подбитая картонная коробка, которую порывы бешеного ветра швыряют по мостовой; его золотистые волосы то вставали дыбом, то вихрились во все стороны. Причину он не понимал, но начал с извинений:

— Прости, прости меня! Я снова всё испортил. Я слишком долго ходил, клянусь, я больше никогда не буду убегать один, честно-честно!

Он бормотал что-то бессвязное, не зная, куда деть руки. Попытался было стереть слезы с лица Гу Цяня, но из-за отсутствия сноровки лишь размазал влагу по его щекам.

— Тебе не нравится сахарная вата? Я сейчас же сбегаю за чем-нибудь другим! Нет, я не уйду, ты только...

Видя, что Гу Цянь по-прежнему молчит, Цзи Лююнь в отчаянии заломил руки и запричитал:

— Ударь меня, а? Или убей, если хочешь. Я сам тебе дамся, только не плачь!

Услышав это знакомое «я тебе дамся», Гу Цянь содрогнулся всем телом, и рыдания прорвались с новой силой. Редкий случай, когда он полностью утратил контроль, позволив чувствам взять верх над разумом. Сначала скатилось лишь несколько слезинок, но вскоре плотину окончательно прорвало.

Прожитые годы были слишком скудными на радости, а о накопленных обидах и вовсе некому было рассказать. Казалось бы, сущая мелочь, пустяк — но именно он заставил сердце сжаться

от такой невыносимой тоски, что совладать с ней было невозможно.

Цзи Лююнь долго извинялся, пока не вспомнил, что нужно поискать салфетки. Он принялся судорожно хлопать себя по карманам, а затем трясущимися руками вывалил на землю всё содержимое своего белого рюкзака, рассыпав свои маленькие «сокровища».

Не сумев сразу найти бумажный платок, он и сам готов был разрыдаться.

— Это всё я виноват! — всхлипнул он, продолжая извиняться. — Хотел сделать подарок, а только расстроил тебя. Сейчас же его выброшу!

С этими словами он, шмыгая носом, замахнулся, намереваясь расправиться с несчастным лакомством.

Гу Цянь поднял голову и увидел, что Глупый Пёс плачет едва ли не горше него самого. На одну слезу у пса приходилось добрый десяток — они словно соревновались, кто кого переплачет. Глядя на него, можно было подумать, что он действительно способен чувствовать чужую боль как свою собственную.

В его глазах еще стояла влага, а лицо было мокрым, но он вдруг слабо улыбнулся. Резким движением он перехватил сахарную вату.

— А ну отдай.

Гу Цянь потянул пса за рукав, заставляя подняться.

— И хватит корчить такие уродливые рожи с твоим-то красивым лицом.

Пёс послушно выпрямился, но из-за пережитого потрясения никак не мог перестать всхлипывать. Он замер в нерешительности, одновременно радуясь и едва дыша от переживаний.

— Ты... — выдохнул он сквозь икоту. — Ты сказал, что я... красивый, да?

Гу Цянь только диву давался его способности расставлять приоритеты. Умудриться вычленив похвалу из ругани — это тоже своего рода талант. В итоге вышло так, что плакал Гу Цянь, а доставать салфетки и утешать пришлось этого Глупого Пса.

Он прижал платок к лицу Цзи Лююня, и на бумаге тут же расплылись два мокрых круга. Глядя на эти стремительно увеличивающиеся пятна, юноша почувствовал, как раздражение сменяется смехом.

В конце концов он не выдержал и звонко рассмеялся.

Водяные знаки на салфетке мгновенно расширились, и пёс неуверенно переспросил:

— Ты ведь смеешься, правда?

— Правда, — Гу Цянь вытянул еще одну салфетку и накрыл ею лицо друга. — Мне тебя не переплакать.

Пёс, шмыгнув носом, гордо уточнил:

— Значит, я в этом деле профи?

***

До конца смены Шэнь Цзяньвэя оставалось полчаса. Гу Цянь слегка встряхнул стабилизатор души, заставляя Линь Му сообщить, где спрятан его план.

[В южном корпусе больницы, в общежитии, на самой верхней полке книжного шкафа]

[Пароль от замка: 311229]

Забрав тетрадь, Гу Цянь вместе с псом вернулся в больницу и присел в зоне отдыха. Глаза у него всё еще были красными, поэтому Цзи Лююнь сбегал за мороженым, чтобы приложить холод к векам друга.

Здесь было строго запрещено курить, но всегда находились те, кто игнорировал правила, предаваясь пагубной привычке с завидным упоением. Окружающие бросали на нарушителя неприязненные взгляды, и наконец одна беременная женщина решилась сделать замечание:

— Господин, не могли бы вы курить в другом месте?

Мужчина, скривившись, мельком глянул на неё, кивнул и даже потушил сигарету, но не прошло и пары минут, как он снова задымил. На новые просьбы он лишь вяло отмахивался, балансируя на той грани, когда открыто хамить еще рано, но и слушаться он не собирался.

Подобные типы обожают безнаказанность, рассчитывая на то, что приличные люди не станут лезть на рожон. Чем вежливее с ними обходятся, тем наглее они себя ведут. Курить прямо под знаком запрета и видеть чужое бессильное бешенство доставляло ему извращенное удовольствие.

Гу Цянь терпеть не мог таких людей. Он поднялся со скамьи:

— Может, хватит дымить?

Мужчина увидел перед собой худощавого бледного юношу и окончательно обнаглел. Тон его стал угрожающим.

Гу Цянь придержал Цзи Лююня, который уже начал оскаливаться, и с нарочито несчастным видом опустил обратно, схватившись за грудь и несколько раз надсадно закашлявшись.

— Да ничего, курите... Мне всё равно осталось недолго. От одной вашей сигареты я раньше не умру.

Стоило этим словам прозвучать, как атмосфера в зале мгновенно переменилась. Все видели, какой этот парень болезненно худой, как покраснели его глаза — очевидно же, что он только что узнал страшный диагноз! Даже те, кому до этого было всё равно, обернулись к курильщику, и в их взглядах читалось неприкрытое осуждение.

Молчаливая ярость толпы — самое острое оружие.

Мужчина замер с сигаретой в руке, его лицо задергалось, а сам он явно почувствовал себя не в своей тарелке. Первый урок, который Гу Цянь усвоил, выйдя в мир: иногда слабость бьет сильнее любой силы. Не стоило тратить нервы на открытый конфликт; достаточно было загнать этого наглеца в моральный тупик, и он сам превратился в посмешище.

Гу Цянь решил подлить масла в огонь и великодушно махнул рукой:

— Всё в порядке, продолжайте. Я же еще не дышу на ладан.

«Посмешище» бросило окурок на пол, раздавило его подошвой и, что-то бормоча себе под нос, позорно ретировалось.

Люди в зоне отдыха продолжали сочувственно поглядывать на Гу Цяня. Беременная женщина тихо произнесла:

— Парень, ты держись там... Всё еще может наладиться.

Гу Цянь не привык принимать чужую доброту, поэтому честно признался:

— Я его обманул. Я здоров.

Женщина на мгновение замерла, а затем весело расхохоталась, заметив, что это было чертовски изящно и в следующий раз она сама попробует такой трюк. Цзи Лююнь, довольно качая головой, принялся рассказывать, какой Гу Цянь крутой, и слово за словом они втянулись в беседу.

Внезапно Глупый Пёс решил проявить свои социальные навыки:

— А вы уже решили, в какой университет пойдет ваш ребенок? Советую выбирать технические специальности!

Гу Цянь: «...»

Он никак не мог понять, откуда у пса такая одержимость образованием.

Настало время встречи, пять тридцать, но Шэнь Цзяньвэй так и не объявился. Гу Цянь отправил сообщение.

[Подождите немного. Меня сейчас отчитывают. Буду через двадцать минут]

Слог точь-в-точь как сам автор — ни живой, ни мертвый.

Впрочем, пунктуальность у врача была на высоте: он появился ровно через двадцать минут.

— Вот, держите, — Гу Цянь протянул ему тетрадь.

Шэнь Цзяньвэй пролистал несколько страниц и, убедившись, что это почерк Линь Му, посмотрел на собеседника совсем иным взглядом:

— Вы... кто?

Странно, но он не спросил, откуда Гу Цянь узнал о тайнике или почему Линь Му доверился именно ему. Не спросил он и о предсмертных словах. Лишь этот короткий вопрос: «Вы кто?».

В этих двух словах крылось слишком многое, и они приоткрыли завесу над тем, какие отношения связывали Шэнь Цзяньвэя и Линь Му.

Гу Цянь лишь ответил:

— Когда закончите операцию, я передам вам его слова.

***

Они договорились встретиться в пятницу. Узнав, что операция прошла успешно, Линь Му рассыпался в благодарностях и наконец признался, что спрятал ногу Цзи Лююня в медицинском корпусе, в помещении с образцами.

Ради этого пришлось снова ехать в больницу.

В тот день с самого утра зарядил унылый дождь, словно небеса посмотрели слезливую драму и решили оплакать все тяготы человеческого бытия. Гу Цянь дождь не любил. Ему казалось, что в такую погоду мир превращается в гигантский чан для брожения, где киснут унылые души, мечтая лишь о том, чтобы все вокруг окончательно заплесневели.

В такие моменты он видел всё в самом мрачном свете. Даже брелок в виде дельфина, висящий на двери у Цзи Лююня, его раздражал. Синяя игрушка болталась хвостом вверх, всем своим видом показывая, что ей срочно нужны услуги адвоката.

Если сам Гу Цянь сейчас напоминал маленькую свинцовую тучку, то резвящийся в дождевике Цзи Лююнь был воплощением солнечного света. Он прыгал по лужам так, будто впервые увидел воду; его сапоги ритмично чавкали по грязи, сбивая размеренный такт летнего ливня.

— Хватит дурачиться, идем, — позвал Гу Цянь, выходя во двор.

В этот миг Глупый Пёс как раз подпрыгнул и со всего маху приземлился точно в центр огромной лужи. Против законов физики не попрешь. Брызги разлетелись во все стороны, обдав Гу Цяня с ног до головы и заставив дрогнуть струны его подавленного настроения.

Вода стекала с его одежды, образуя у ног небольшое озерцо. Капли скользили по кончикам волос, очерчивали линию шеи и исчезали за воротником. Даже его привычная холодная аура, казалось, немного размылась под этим импровизированным душем.

Гу Цянь медленно открыл глаза.

Юноша в тот же миг заготовил в уме сто восемь оправданий, но не успел произнести ни слова — ярко вспыхнули кончики пальцев Гу Цяня. Мгновение — и вся дождевая вода во дворе, подчиняясь его воле, взмыла вверх и обрушилась на голову пса сплошной стеной.

— Эй! Так нечестно! — завопил Цзи Лююнь, не успев увернуться.

Золотистые волосы жалко облепили лоб; теперь он еще больше напоминал промокшего под дождем щенка. Глядя на эту «мокрую курицу», Гу Цянь не выдержал, и уголки его губ поползли вверх. Былое уныние испарялось, уступая место легкости. В глазах вспыхнул редкий задорный огонек.

— Так используй свою силу! — со смехом бросил он вызов.

Тот наострил уши.

— А можно?.. — Он не договорил, вновь оказавшись под потоком воды.

Несмотря на то что пёс захлебывался от восторга, он продолжал во все глаза смотреть на Гу Цяня сквозь щелки между пальцами. Когда тот улыбался, он становился прекраснее всего на свете — слаще любой сахарной ваты. Цзи Лююнь мгновенно понял: водяная забава радует друга, а значит, нельзя портить момент.

Он осторожно сплел потоки энергии, собирая воду в сферы. Сначала хотел запустить их в Гу Цяня, но в последний момент рука не поднялась. Пёс изменил план: водяные шарики превратились в маленьких рыбок и бабочек, которые начали кружить вокруг медиума.

Там, во дворе, окруженный этими причудливыми водяными созданиями, Гу Цянь наконец оттаял. Холод в его взгляде исчез, сменившись давно забытой радостью. Он протягивал руку, касаясь прозрачных существ, и те доверчиво терлись о его пальцы.

Рыбы парили в воздухе, бабочки ныряли в воображаемые волны — казалось, мир полон чудес, и никакие преграды, даже между жизнью и смертью, не имеют значения. Цзи Лююнь смотрел на него, не в силах отвести глаз. В груди разгоралось странное пламя, жаркое и непривычное. Ему даже показалось, что он заболел, и он поспешно прижал руку к сердцу.

Словно само providение решило, что в этом дожде должно родиться нечто новое.

Он вдоволь наигрался и решил принять душ перед уходом. Он отправил сообщение Шэнь Цзяньвэю.

[Задержимся ненадолго, приедем позже]

Ответ пришел почти сразу:

[Ничего страшного. Меня как раз отчитывают. Буду через час]

Гу Цянь: «...»

Этот Шэнь Цзяньвэй что, небесные законы нарушил? Почему его вечно ругают?

В это же время сработал охранный амулет, установленный Чэн Ушэном во дворе Гу Цяня. Он сигнализировал о том, что Глупый Пёс применил духовную силу. «Этот блондин посмел

поднять руку? Да как он смеет!»

Чэн Ушэн немедленно вызвал помощника Чжана, велел всем быть наготове, а сам набрал номер дяди Ли из лавки напротив. Стоило тому снять трубку, как Чэн Ушэн, нахмурившись, сурово спросил:

— Дядя Ли, что там происходит?

Старик на том конце провода не смог сдержать смешка:

— Молодой господин Гу Цянь и остальные... они устроили водяную битву.

Чэн Ушэн рывком поднялся с кресла, его лицо посуровело:

— Так я и знал, что они схлестнутся в битве!

Затем он на мгновение замер:

— В какой-какой битве?

<http://bllate.org/book/15848/1435669>